

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2021 Том 26, №4

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2021

Учредитель: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Международный совет:

Ш. Мустафаев, доктор исторических наук, академик АН Азербайджана (Азербайджан, Баку),

А. С. Жанбосинова, доктор исторических наук (Казахстан, Нурсултан)

С. Д. Атаев, кандидат исторических наук (Туркменистан, Ашхабад)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук (Кыргызстан, Бишкек)

Ц. Степанов, доктор исторических наук (Болгария, София)

З. С. Самашев, доктор исторических наук (Казахстан, Нурсултан)

А. М. Досымбаева, доктор исторических наук (Казахстан, Нурсултан)

М. Гантуяа, Ph.D. (Монголия, Улан-Батор)

И. Ёсиро, доктор гуманитарных наук (Япония, Токио)

И. В. Саблин, доктор исторических наук (Германия, Гейдельберг)

Е. Смолари, PhD (Германия, Бон)

Х. Омархали, доктор философских наук (Германия, Берлин)

Редакционная коллегия:

С. А. Васютин, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия, Благовещенск)

А. А. Тишкин, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук (Россия, Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук (Россия, Кызыл)

М. М. Шахнович, доктор философских наук (Россия, Санкт-Петербург)

Е. С. Элбакян, доктор философских наук (Россия, Москва)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук (Россия, Томск)

А. Г. Ситдилов, доктор исторических наук (Россия, Казань)

М. М. Содномпилова, д.и.н. (Россия, Улан-Удэ)

К. А. Колобова, доктор исторических наук (Россия, Новосибирск)

Е. А. Шершинева (отв. секретарь), кандидат исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет:

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Л. С. Марсадалов, доктор культурологии (Россия, Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор культурологии (Россия, Новосибирск)

А. В. Горбатов, доктор исторических наук (Кемерово, Россия)

К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия, Казань)

А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия, Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия, Москва)

С. В. Любичанковский, доктор исторических наук (Россия, Оренбург)

А. Д. Таиров, доктор исторических наук (Россия, Челябинск).

А. В. Бауло, доктор исторических наук (Россия, Новосибирск)

Д. В. Папин, кандидат исторических наук (Россия, Новосибирск)

Журнал утвержден научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-78911 от 07.08.2020 г. Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Адрес редакции: 656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66,

Алтайский государственный университет, кафедра религиоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений.

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2021 Vol. 26, №4

NATIONS AND RELIGIONS OF THE EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2021

The journal was founded in 2007

The founder of the journal is Altai State University

Executive editor:

P. K. Dashkovskiy, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

International council:

Sh. Mustafayev, doctor of historical sciences, academician of the Academy of Sciences of Azerbaijan,
(Azerbaijan, Baku),

A. S. Zhanbosinova, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Nursultan)

S. D. Atdaev, candidate of historical sciences (Turkmenistan, Ashgabat)

N. I. Osmonova, doctor of philosophical sciences (Kyrgyzstan, Bishkek)

Ts. Stepanov, doctor of historical sciences (Bulgaria, Sofiy)

Z. S. Samashev, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Nursultan)

A. M. Dossymbaeva, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Nursultan)

M. Gantuya, Ph.D. (Mongolia, Ulaanbaatar)

Y. Ikeda, doctor of humanities (Tokyo, Japan)

I. V. Sablin, doctor of historical sciences (Germany, Heidelberg)

E. Smolarts, PhD (Germany, Bonn)

Kh. Omarkhali, doctor of philosophy (Germany, Berlin)

Editorial team:

S. A. Vasyutin, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

N. L. Zhukovskaya, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

A. P. Zabiyyako, doctor of philosophical sciences (Russia, Blagoveshchensk)

A. A. Tishkin, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

N. A. Tomilov, doctor of historical sciences (Russia, Omsk)

T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences (Russia, St. Petersburg)

O. M. Khomushku, doctor of philosophical sciences (Russia, Kyzyl)

M. M. Shakhnovich, doctor of philosophical sciences (Russia, St. Petersburg)

E. S. Elbakyan, doctor of philosophical sciences (Russia, Moscow)

L. I. Sherstova, doctor of historical sciences (Russia, Tomsk)

A. G. Sitdikov, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

M. M. Sodnompilova, doctor of historical sciences (Russia, Ulan-Ude)

K. A. Kolobova, doctor of historical sciences (Russia, Novosibirsk)

E. A. Shershneva (executive secretary), candidate of historical sciences (Russia, Barnaul)

Editorial Council:

L. N. Ermolenko, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

Yu. A. Lysenko, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

L. S. Marsadlov, doctor of Culturology (Russia, St. Petersburg)

G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor of cultural studies (Russia, Novosibirsk)

A. V. Gorbatov, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

K. A. Rudenko, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

A. K. Pogasiy, doctor of philosophical sciences (Russia, Kazan)

S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

S. V. Lyubichankovsky, doctor of historical sciences (Russia, Orenburg)

A. D. Tairov, doctor of historical sciences (Russia, Chelyabinsk)

A. V. Baulo, doctor of historical sciences (Russia, Novosibirsk)

D. V. Papin, candidate of historical sciences (Russia, Novosibirsk)

*Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University. All rights reserved.
No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher.*

Registered with the RF Committee on Printing. Registration certificate PI № ФС 77-78911.

Registration date 07.08.2020 г.

Editorial office address: 656049, Barnaul, ul. Dimitrova, 66, Altai State University, Department of regional studies of Russia, national and state-confessional relations.

© Altai State University Publisher, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2021 Том 26, № 4

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

- Шульга П. И., Хопталь К., Кузнецова М. Е.* Тагарские удила из коллекции графа Зичи (Венгрия).....7
- Байтлеу Д. А., Шагирбаев М. С.* Результаты палеозоологического анализа остеологического материала из поселения эпохи бронзы Балкан в Центральном Казахстане21
- Серегин Н. Н., Демин М. А., Матренин С. С.* Общие и особенные характеристики детской погребальной обрядности населения Северного Алтая сянббийского времени (по материалам комплекса Карбан-1)32
- Папин Д. В.* Особенности погребальной практики населения лесостепного Алтая в переходное время от бронзы к железу.....46

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Малькова В. К.* О России и россиянах: некоторые ресурсы отечественного интернета56
- Рыблова М. А.* Сакральные локусы и их почитание в традиции донских казаков70
- Содномпилова М. М.* Биологические жидкости человеческого организма в контексте социальных интерпретаций: священное материнское молоко.....83

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Шульга Д. П.* О «крассовой гипотезе» и эллинских мифологических сюжетах в Китае и Монголии.....96
- Волоснов Р. Ю.* Факты наличия религиозных групп с признаками мистического сектанства в сельской местности Алтая в конце XIX — начала XX в. по материалам официальных епархиальных изданий 108
- Юрганова И. И.* Культурный трансфер православия на окраины империи: газета «Якутские епархиальные ведомости» (1887–1917 гг.) 118
- Недзельюк Т. Г.* Государственно-конфессиональная политика временных сибирских правительств (1917–1919 гг.)..... 131
- Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С.* Государственное регулирование деятельности религиозных общин в Западной Сибири в контексте конфессиональной политики России в 1992–2000 гг. 140

ДЛЯ АВТОРОВ154

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF THE EURASIA

2021 Vol. 26, №4

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Shulga P. I., Hoppal K., Kuznetsova M. E.</i> Tagar bits from count zichi collection (hungary).....	7
<i>Baitleu D. A., Shagirbayev M. S.</i> Results of paleozoological analysis of osteological material from bronze age settlements the Balkan in Central Kazakhstan.....	21
<i>Seregin N. N., Demin M. A., Matrenin S. S.</i> General and special characteristics of children's funeral rites of the northern altai population in the xianbei period (on the materials of the Karban-I complex).....	32
<i>Papin D. V.</i> Features of the burial practice of the population of the forest-steppe Altai in the transitional period from bronze to iron.....	46

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Malkova V. K.</i> About Russia and the russians: some recourses of domestic internet.....	56
<i>Ryblova M. A.</i> Sacred locuses and their worship in the tradition of the don Cossacks.....	70
<i>Sodnompilova M. M.</i> Human body fluids in the context of social interpretations: sacred mother's milk.....	83

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

<i>Shulga D. P.</i> About the "crassus hypothesis" and the hellenic mythological subjects in China and Mongolia.....	96
<i>Volosnov R. U.</i> Facts of the presence of religious groups with signs of mystical sectarianism in the Altai countryside in the late XIX — early XX centuries based.....	108
<i>Yurganova I. I.</i> Cultural transfer of orthodoxy to the outskirts of the empire: the newsraper "Yakut diocesan vedomosti" (1887–1917) (on materials of official diocesan publications).....	118
<i>Nedzelyuk T. G.</i> State-confessional policy of the provisional siberian governments (1917–1919).....	131
<i>Dashkovskiy P. K., Dvoryanchikova N. S.</i> State regulation of the activities of religious communities in Western Siberia in the context of the confessional policy of Russia in 1992–2000.....	140

FOR AUTHORS	154
--------------------------	-----

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 902.6

DOI: 10.14258/nreur(2021)4-01

П. И. Шульга

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск (Россия)

К. Хоппаль

Ferenc Hopp Museum of Asiatic Arts, Будапешт (Венгрия)

М. Е. Кузнецова

Институт Востоковедения РАН, Москва (Россия)

ТАГАРСКИЕ УДИЛА ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ГРАФА ЗИЧИ (ВЕНГРИЯ)

Тагарская культура Минусинской котловины долгое время считалась наиболее хорошо исследованной в Сибири. В ходе раскопок и сборов в XVIII–XIX вв. было обнаружено большое количество бронзовых изделий, часть которых поступила в собрания отечественных и зарубежных коллекционеров. Они выявляются до настоящего времени как в России, так и за рубежом. Одной из них является коллекция графа Зичи из музея Ференца Хоппа (Венгрия). В ней находится значительное количество бронзовых изделий, в том числе десять бронзовых удил, приобретённых в Минусинской котловине. Анализ этих удил показывает, что указанные экземпляры отражают специфику конского снаряжения Минусинской котловины и эволюцию удил на протяжении (IX) VIII–VI вв. до н. э. Очевидно, что это не случайное приобретение, но сознательный отбор разных типов удил.

Интересно, что в отличие от других изделий, конское снаряжение практически не встречается в тагарских захоронениях. По имеющимся данным, большинство удил и псалиев было найдено крестьянами на пашнях, но не вполне понятно, как они оказа-

лись на распахиваемых участках вне курганов. Существующие предположения о первоначальном помещении сбруйных деталей в обособленных от курганов прикладах и поминальниках пока не находят подтверждения. Так или иначе, но известные и вновь выявляемые в Минусинской котловине детали конского снаряжения указывают на существование там одного из ранних центров освоения лошади, который во второй половине VII — первой половине VI в. до н. э. оказывал опосредованное влияние на конское снаряжение культуру Северного Китая.

Ключевые слова: Тагарская культура, Минусинская котловина, конское снаряжение, ранний железный век, музейное дело.

Цитирование статьи:

Шульга П. И., Хоппаль К., Кузнецова М. Е. Тагарские удила из коллекции графа Зичи (Венгрия) // Народы и религии Евразии. 2021. Т. 26, № 4. С. 7–20.

DOI: 10.14258/nreur(2021)4–01

P. I. Shulga

Institute of Archeology and Ethnography SB RAS

K. Hoppal

Ferenc Hopp Museum of Asiatic Arts

M. E. Kuznetsova

Institute of Oriental Studies RAS

TAGAR BITS FROM COUNT ZICHI COLLECTION (HUNGARY)

The Tagar culture of the Minusinsk basin has long been considered the most well-studied in Siberia. A large number of bronze products were discovered during excavations and collections in the XVIII–XIX centuries, some of which entered the collections of domestic and foreign collectors. They are identified to date both in Russia and abroad. One of them is the collection of Count Zichy from the Ferenc Hopp Museum (Hungary), which houses a significant number of bronze products, including ten bronze bits acquired in the Minusinsk basin. Analysis of these bits shows that they reflect the specifics of the Minusinsk basin and the evolution of bits throughout the (IX) VIII–VI centuries BC. It is obvious that this is not an accidental acquisition, but a conscious selection of different types of bits.

It is interesting that unlike other products, horse equipment is practically not found in Tagar burials. According to reports, most bits and cheekpieces were found by peasants on arable land, but it is not quite clear how they ended up in plowed areas outside the mounds. The existing assumptions about the initial placement of assembly parts in butts and

commemorators separate from mounds have not yet been confirmed. One way or another, the well-known and newly identified details of horse equipment in the Minusinsk basin indicate the existence of one of the early centers of horse development there, which in the second half of the VII — first half of the VI centuries BC had an indirect influence on horse equipment of the cultures of Northern China.

Keywords: Tagar culture, Minusinsk depression, horse equipment, early Iron Age, museum business.

For citation:

Shulga P. I., Hoppal K., Kuznetsova M. E. Tagar bits from count zichi collection (Hungary).

Nations and religions of Eurasia. 2021. T. 26, № 4. P. 7–20.

DOI: 10.14258/nreur(2021)4–01

Шульга Пётр Иванович, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск (Россия). Адрес для контактов: shulgapi55@yandex.ru.

Хопал Кристина К., исследовательская группа Шелкового пути, исследовательская сеть Этвёша Лоранда, музей азиатского искусства Ференца Хоппа, Будапешт (Венгрия).

Кузнецова-Фетисова Марина Евгеньевна, научный сотрудник Института Востоковедения РАН Отдел истории и культуры Древнего Востока, Москва (Россия). Адрес для контактов: marinakuznfet@gmail.com.

Shulga Petr Ivanovich, senior researcher at the Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk (Russia). Contact address: shulgapi55@yandex.ru <https://orcid.org/0000-0001-5820-1743>.

Hoppal Krisztina K., MTA-ELTE-SZTE Silk Road Research Group, Eötvös Loránd Research Network; Ferenc Hopp Museum of Asiatic Arts, Budapest (Hungary).

Kuznetsova-Fetisova Marina Evgenievna, Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Department of History and Culture of the Ancient East, Moscow (Russia). Contact address: marinakuznfet@gmail.com

Введение

Тагарская культура Минусинской котловины занимает особое, но неоднозначное место в археологии Сибири. С одной стороны, изучение тагарских курганов началось ровно 300 лет назад с раскопок Д. Г. Мессершмидта в 1721 г. — значительно раньше, чем в других районах Сибири. Там же в XVIII–XIX вв. бугровщиками из курганов были извлечены тысячи разнообразных бронзовых изделий, разошедшихся по десяткам коллекций в России и за рубежом. До середины XX в. тагарская культура являлась наиболее хорошо изученной культурой на востоке скифского мира. По неполным подсчётам только количество случайных бронзовых находок составляло тогда около 6000 единиц [Членова, 1992: 206]. С этими материалами неизменно сравнивались находки с Урала, Казахстана, Алтая, Забайкалья и даже Северного Китая. В ходе проводимых в Сибири

с 1950–1960-х гг. масштабных археологических исследований раскопки в Минусинской котловине также не прекращались. В 1960–1970-х гг. в более северной лесостепной зоне были открыты и исследованы могильники и поселения лесостепной тагарской культуры [Мартынов, 1979]. В результате всех этих работ уже к 1990 г. число научно исследованных курганов тагарской культуры превысило 1000. Однако начиная с 1980–1990-х гг. материалы тагарской культуры Минусинской котловины постепенно теряют былое значение. Причин тому довольно много [Савинов, 2011].

С позиций исследователей культур восточной части скифского мира основными являются две причины:

- 1) своеобразие материалов тагарской культуры, которые не всегда удаётся соотнести с другими культурами Южной Сибири;
- 2) отсутствие общепризнанной периодизации культуры с хорошо датированными археологическими комплексами.

На этом фоне представленное случайными находками конское снаряжение из Минусинской котловины должно бы выглядеть аморфным собранием разнородных изделий. Однако при ближайшем рассмотрении обнаруженные там удила и псалии являются значимым источником для решения самых разных вопросов. В этом отношении несомненный интерес представляет коллекция графа Зичи из музея Ференца Хоппа (Венгрия), в которой находится значительное количество бронзовых изделий из Минусинской котловины, в том числе бронзовые удила.

Обсуждение результатов

Удила представлены восьмью полными экземплярами (см. рис. 1, 2) и одним звеном с кольчатым внешним окончанием (рис. 2.-4). Помимо этого, в журнале учёта Музея имеется рисунок «восточных» удил с коллекционными номерами (см. рис. 3).

Все указанные удила относятся к известным четырём группам, распространённым в Минусинской котловине в VIII–VI вв. до н. э. [Шульга, 2013]: 1) удила с подтреугольными внешними окончаниями и дополнительным колечком (4 экз., № 8927, 8928, 8935, 8986); 2) удила с кольцевидно-овальными внешними окончаниями (1 экз. № 8930, правое звено удил № 8934); 3) удила с однокольчатыми окончаниями средней величины (3 экз., № 8929, 8932, 8933, левое звено удил № 8934); 4) «восточные» удила с выделенной рамкой повода (1 экз., № 8931). Удила № 8934 составлены из звеньев разных типов. Одно звено с внешним окончанием в виде кольца среднего диаметра, а другое — кольцевидно-овального кольца.

Удила № 8927 с подтреугольными внешними окончаниями и дополнительным колечком (рис. 1.-1). Общая длина 18 см, длина основания рамки повода около 5 см, внутренний диаметр колечек около 9 мм. Стержни (грызла) в сечении округлые, диаметром 8–9 мм, в центральной части несколько сужаются. На внешних окончаниях имеются незачищенные литейные швы. Внутренние кольца в месте соединения несколько усилены, со следами незначительной сработанности.

Удила № 8928 с подтреугольными внешними окончаниями и дополнительным колечком (рис. 1.-2). Общая длина 17,8 см, длина основания рамки повода около 4 см, внутренний диаметр колечек около 9 мм. Стержни (грызла) в сечении округлые, диаме-

тром 8–9 мм, в центральной части немного сужаются. Литейные швы зачищены, поверхность удил заполирована. Внутренние кольца в месте соединения несколько усилены. Внутреннее кольцо левого звена сильно изношено. Судя по фото, кольцо правого звена изношено незначительно. Не исключено, что это звено было прилито позже, но форма и размеры звеньев одинаковы.

Удила № 8935 с подтреугольными внешними окончаниями и дополнительным колечком (рис. 1.-3). Общая длина 16 см. Длина основания рамки повода около 4 см, внутренний диаметр колечек около 9 мм. Вследствие меньшей длины и чуть большего диаметра грызла, удила выглядят массивными. Стержни грызла в сечении округлые, диаметр их по всей длине одинаков — около 9 мм. Литейные швы зачищены. Внутренние кольца в месте соединения несколько усилены. На левом звене заметны слабые следы износа.

Рис. 1. Бронзовые удила из коллекции графа Зичи № 8927, 8928, 8935, 8986

Fig. 1. Bronze bits from the collection of Count Zichy № 8927, 8928, 8935, 8986

Удила № 8986. Относятся к типу с подтреугольными внешними окончаниями и дополнительным колечком (рис. 1.-4). По всей видимости, по причине литейного брака основания рамок повода отсутствуют. Общая длина удил около 17–17,5 см, внутренний диаметр колечек около 9 мм. Стержни грызла в сечении округлые, сужающиеся к вне-

шним окончаниям до 7–8 мм. Во внешних окончаниях за пределами колечек литейные швы не зачищены. Внутренние кольца не имеют усиливающих утолщений. Левое кольцо, по-видимому, было полностью перетёрто, после чего концы его были вновь сдвинуты. Правое кольцо также сильно изношено, толщина сохранившейся перемычки около 2 мм. Не исключено, что некачественно отлитые удила какое-то время ещё использовались после последнего ремонта.

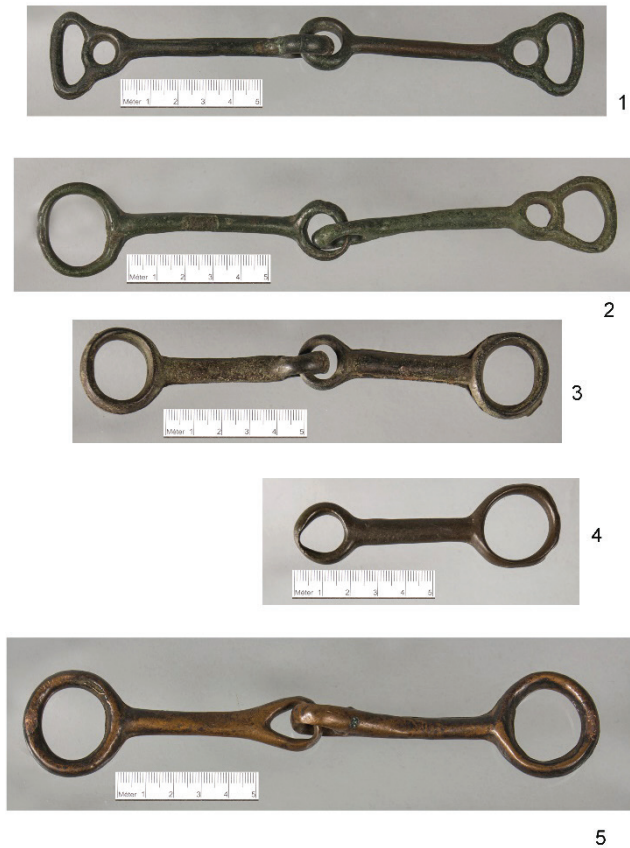

Рис. 2. Бронзовые удила из коллекции графа Зичи № 8930, 8934, 8932, 8929, 8933
 Fig. 2. Bronze bits from the collection of Count Zichy No. 8930, 8934, 8932, 8929, 8933

Удила № 8930. Относятся к типу с кольцевидно-овальными внешними окончаниями (рис. 2.-1). Общая длина 18 см. Внутренние колечки внешних окончаний несколько обособлены от рамок повода. Стержни гризла в сечении округлые, диаметр по всей длине одинаков — около 6–7 мм. Литейные швы зачищены. В местах соединения колец внутренних окончаний следов износа не заметно.

Удила № 8934. Составлены из звеньев разных типов. Левое звено с внешним окончанием в виде овального кольца среднего диаметра размерами 20x25 мм. Правое звено имеет кольцевидно-овальное окончание. Колечко для крепления псалия почти об-

особлено от рамки повода (рис. 2.-2). Общая длина удил 22 см. Оба звена одинаковой длины. Литейные швы зачищены. Внутреннее кольцо левого звена было значительно изношено. Между тем типологически и хронологически оно изготовлено значительно позже правого. Стержни грызла в сечении округлые, диаметром 6–8 мм. К внешним окончаниям диаметр их увеличивается.

Удила № 8932. Относятся к типу с кольцевидными внешними окончаниями среднего диаметра (рис. 2.-3). Общая длина 17 см. Имеют хорошо выраженные черты удил переходного типа. Звенья массивные, одинаковые по форме и размерам. Внешние кольца широкие в виде слабо выраженного овала внутренними размерами 19 x 21 мм. Литейные швы правого звена зачищены не полностью. Стержни грызла округлые, диаметром 9 мм. Следов износа на внутренних кольцах не видно.

Звено удил № 8929. Относится к типу с кольцевидными внешними окончаниями среднего диаметра (рис. 2.-4). Длина 9,6 см. Литейные швы зачищены. Внешнее кольцо внутри круглое, диаметром 23 мм. Стержень грызла массивный округлый диаметром около 9 мм, немного расширяется по направлению к сильно изношенному внутреннему кольцу.

Удила № 8933. Относятся к типу удил переходного времени с кольцевидными внешними окончаниями среднего диаметра (рис. 2.-5). Общая длина 21,2 см. Внешнее кольцо левого звена в форме овала внутренними размерами 22 x 25 мм. Стержень грызла округлый, диаметром около 8–9 мм. Правое звено заметно отличается от левого. Оно длиннее на 4 мм. Грызло у него меньшего диаметра, а внешнее кольцо округлой формы. Литейные швы зачищены. Внутреннее кольцо левого звена заметно изношено.

Удила № 8931. Относятся к типу «восточных» удил переходного времени с большим кольцом под двудырчатый псалий и трапециевидной рамкой повода (рис. 3). Точные размеры этих удил не известны, но, судя по другим подобным экземплярам из Минусинского музея [Шульга, 2013: 28], их общая длина около 20 см, а внутренний диаметр кольца под псалий равен 2 см. Заметных следов износа на внутренних кольцах не было.

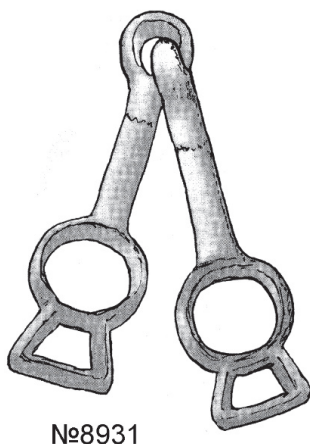

Рис. 3. Бронзовые «восточные» удила из коллекции графа Зичи № 8931

Fig. 3. Bronze «oriental» bits from the collection of Count Zichy № 8931

По всей видимости, подбор удила в коллекцию не случаен. Он осуществлялся с намерением отразить основные типы, характерные для удила Минусинской долины. Отсутствуют лишь широко распространённые в Евразии удила с подтреугольным (стремечко-видным) внешним окончанием (рис. 4.-5–8). Не исключено, что удила этого типа сознательно не были взяты в коллекцию из-за их повсеместного распространения в степях Евразии. По этой причине нет в коллекции и ещё более массового в Минусинской котловине типа удила второй половины VI–IV вв. до н. э. с внешними окончаниями в виде округлых (овальных) колец большого диаметра — около 3 см (рис. 4.-14).

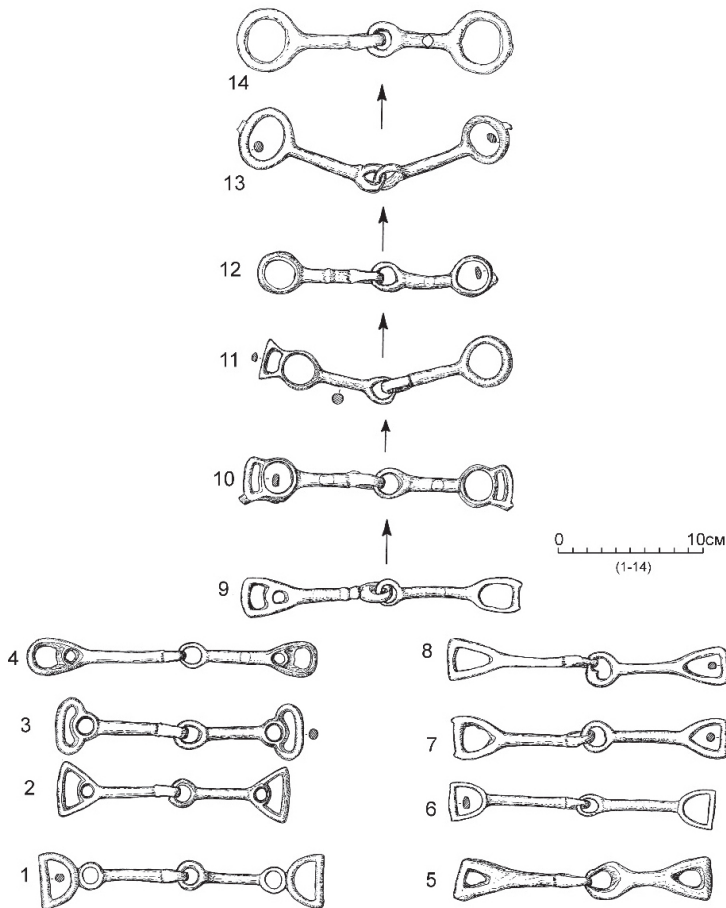

Рис. 4. Эволюция бронзовых удила (IX) VIII–V вв. до н. э. из Минусинской котловины [Шульга, 2008, рис. 76]

Fig. 4. Evolution of bronze bits (IX) VIII–V centuries. BC NS. from the Minusinsk Basin [Shulga, 2008: Fig. 76]

В целом, удила коллекции графа Зичи отражают не только основные типы минусинских удила, но и их эволюцию в VIII–VI вв. до н. э. В VIII в. до н. э., помимо более ранних

форм, в Минусинской котловине использовались как архаичные удила с подтреугольными окончаниями (рис. 4.-5), так и удила с дополнительными отверстиями в окончаниях (рис. 4.-1–4). В VII в. до н. э. удила вышеуказанных форм также сосуществовали, но предпочтение отдавалось удилам с дополнительным отверстием. В это время часть удил в Минусинской котловине имели общевразийские формы с подтреугольными и стремечковидными окончаниями (рис. 4.-6–8), но преобладали удила с дополнительным колечком для соединения с псалием (рис. 4.-1–4). Для этого периода можно говорить о явном доминировании местной традиции, в определённой степени связанной с культурами запада и юго-запада.

В конце VII — начале VI в. до н. э. самобытность минусинских удил сохраняется, но вектор контактов меняется на юго-восточный в сторону Северного Китая. Можно полагать, что «восточные» удила в Минусинской котловине сформировались на местной основе, завершая традицию изготовления наиболее распространённых удил с овально-кольчатymi и подтреугольными окончаниями и дополнительным отверстием (рис. 4.-2, 3, 10). В конце VII в. до н. э. эти удила привносятся северными кочевниками в культуру юйхуанмя Северного Китая [Шульга, 2015: рис. 64], а в VI в. до н. э. широко распространяются в Северном Китае вплоть до культуры янлан к югу от Ордоса.

Как видим, анализ удил из Минусинской котловины позволяет делать существенные выводы не только о развитии конского снаряжения, но и об особенностях этнокультурных процессов в восточной части скифского мира. Традиционно такого рода находки рассматриваются в комплексе с материалами погребений или культовых мест, где они были обнаружены. Однако, как это ни странно, практически все детали конского снаряжения относятся к случайным находкам. Важно подчеркнуть, что в отличие от тысяч других «случайных» находок из разграбленных тагарских курганов, сбруйные детали пока не удаётся уверенно связать ни с одним типом археологических памятников.

Н. Л. Членова — знаток минусинских древностей — отмечала, что ни в одном из исследованных тагарских курганов первого тысячелетия нет погребений «верхового коня», и только в двух захоронениях найдены псалии, а в одном — костяная имитация половины удил [Членова, 1992: 215]¹. Несмотря на продолжающиеся исследования тагарских курганов с полным снятием насыпей, это наблюдение остаётся в силе. В отличие от находимых в погребениях изделий, подавляющее большинство деталей конского снаряжения найдено крестьянами в ходе распашки земли. При этом подбирались, а потом попадали в коллекции в основном массивные удила и псалии, тогда как мелкая фурнитура хуже сохранялась, менее заметна, а потому и слабо представлена в коллекциях. Общее количество найденных изделий не установлено. Судя по их числу в Минусинском музее², а также по периодически публикуемым удилам из других российских

¹ В указанной работе Н. Л. Членова употребила словосочетание «верховой конь». Однако для такой конкретизации нет оснований. Почти все известные детали происходят от уздечек, которыми могли снаряжаться как верховые, так и упряжные лошади. Достоверной седельной фурнитуры нет, а многочисленные пряжки, по-видимому, поясные.

² П. И. Шульгой там было учтено около 200 удил с внешними окончаниями, 40 псалиев и около 100 других деталей, включая бронзовые кольца [Шульга, 2013].

(Прокопенко, 2020) и зарубежных музеев, допустимо предположить, что только в коллекциях их могло находиться до 500–600 экземпляров сбруйных деталей.¹

Насколько известно авторам, специальных исследований по проблеме этих «случайных» находок не проводилось. Приведём некоторые предположения, из которых два касаются вопроса о причине отсутствия конского снаряжения в тагарских курганах, а два — о вероятных местах их изначального размещения в культовых (поминальных) объектах. В обобщающей работе по тагарской культуре Минусинской котловины С. В. Киселёв почти не касался удил и псалиев, но отмечал, что «... лошадь становится в это время важнейшим элементом хозяйства. Тагарская эпоха — время, когда впервые в Северной Азии разрабатывается верховая конская сбруя». Отсутствие конского снаряжения в тагарских захоронениях и в насыпях курганов он осторожно связывал с «оседлым земледельческим характером тагарского хозяйства» [Киселёв, 1951: 257]. В этом же ключе данную проблему затронула Н. Л. Членова. Хотя, по её мнению, «... верховой конь не играл большой роли в жизни тагарских племён, и они, во всяком случае, не были кочевыми, как племена майэмирской культуры (Горного Алтая — прим. авт.), Казахстана и других ...» [Членова, 1967: 66]. Несмотря на различия в оценке роли лошади в тагарской культуре оба исследователя были склонны объяснять отсутствие конских подхоронений и снаряжения менее подвижным образом жизни тагарцев. Иными словами, по мнению этих исследователей, для оседлых тагарцев лошадь или её символические заменители (детали снаряжения лошади, нагайка) не стали спутником в мир иной даже при погребении элиты, среди которых наибольшую известность получил грандиозный курган Салбык.

Однозначно принять такого рода объяснения нельзя, хотя бы потому, что у нас мало данных о хозяйстве тагарцев [Герман, Онищенко, Савельева, Святко, 2020]. Судя по наличию однотипных ландшафтов в Минусинской котловине и Горном Алтае, обитавшие в этих районах ранние скотоводы афанасьевской культуры, а также более поздние тагарцы и пазырыкцы придерживались наиболее оптимальной схемы хозяйствования. В зимнее время они проживали на малоснежных участках долин в долговременных жилищах, а в тёплое время года перекочёвывали на летние пастбища. При этом оросительные системы могли использоваться не столько для земледелия, сколько для орошения зимних пастбищ. Однако если у собственно пазырыкцев подхоронения лошадей были почти обязательными, то у тагарцев они не допускались. Очевидно, что отсутствие лошадей и их снаряжения в курганах скотоводов в малой степени зависело от количества лошадей в стаде, но определялось требованиями погребального обряда, о причинах формирования которого можно лишь гадать. Среди многочисленных культур скифского мира, включая Казахстан и Алтай, имеется значительное количество типичных «кочевников», вовсе не подхоранивавших лошадей или применявших этот обряд только в элитных комплексах. В качестве аналогии кургану Салбык можно привести элитный курган Иссык с «золотым» человеком [Акишев, 1979]. Там также не было подхоронений лошадей и их снаряже-

¹ Здесь мы не учитываем загадочные бронзовые «скребницы» с зубцами, учтённые в Минусинском музее в количестве 46 экземпляров [Шульга, 2013, с. 37–48].

ния, хотя сакские племена традиционно относятся к кочевникам. Как и в каменной культуре Верхнего Приобья, в Иссыке с умершим лежала нагайка. Следует отметить, что в тагарских погребениях нет и боевых (парадных) поясов, характерных для большинства воинских захоронений других культур. Между тем в Минусинской котловине среди случайных находок поясная фурнитура имеется, в частности бронзовые бабочковидные бляшки, распространённые в VI–III вв. до н. э. на большой территории от Северного Китая до Приангарья и от Забайкалья до Верхнего Приобья. Очевидно, что в обоих случаях мы имеем дело с особенностями канонизированного погребального обряда, не допускавшего захоронения лошадей, конского снаряжения и поясов.

Если же исходить из анализа природных условий, этнографических наблюдений и находок деталей конского снаряжения, то высокое значение лошади в культурах скотоводов Минусинской котловины не вызывает сомнений. По количеству бронзовых удил VIII–VI вв. до н. э. из случайных находок Минусинская котловина значительно превосходит прилегающие территории, включая Горный Алтай и Казахстан. К тому же лошадь у тагарцев также входила в число жертвенных животных, помещавшихся в захоронения. Более того, среди бронзовых удил и псалиев из Минусинской котловины имеются очень ранние экземпляры, указывающие на существование там особого центра формирования уздечки с бронзовыми деталями начиная с эпохи поздней бронзы [Шульга, 2013: 68, рис. 34–38].

Иначе подошли к этой проблеме исследователи, предположившие существование у тагарцев обряда помещения конского снаряжения в обособленных поминальниках (кладах). Так, С. И. Руденко полагал, что случайные находки деталей конского снаряжения могли происходить из культовых мест, устроенных у поверхности земли вне курганов. Согласно имеющимся данным, С. И. Руденко сам проводил раскопки тагарских курганов, на склоне лет продолжал интересоваться этой культурой, а потому высказал, пожалуй, наименее противоречивое предположение [Шмидт, 2008]. По мнению Н. А. Боковенко, выделившего для раннескифского времени на Саяно-Алтае тип «захоронения человека в яме, а сбруи — на горизонте», подобный обряд мог существовать и в Минусинской котловине. В этом случае приклады сбруи, как и в соседней Туве, могли находиться у поверхности почвы и выпаживаться плугами [Боковенко, 1986: 181]. Однако подобных погребений с прикладами Минусе пока не найдено. Не обнаружены и обособленные от курганов поминальники, содержащие сбруйные наборы VIII–IV вв. до н. э., в том числе в ходе целенаправленных поисков с металлодетекторами.

Заключение

Не решают проблему и периодически обнаруживаемые разного рода «клады». Они встречаются как в насыпях курганов, так и обособленно [Бородовский, Ларичев, 2013; Бородовский, Оборин, 2018, 2020; Кунгурова, Оборин, 2013]. По данным А. П. Бородовского и Ю. В. Оборина, в ранних «кладах» по Среднему Енисею представлены все основные формы бронзовых удил раннескифского времени, тогда как псалии единичны и только двудырчатые [Бородовский, Оборин, 2020: 368]. Вместе с тем, по сведениям А. П. Бородовского, «кладов», содержавших представительные наборы конского снаряжения в эпоху раннего железа, пока не известно. Детали конского снаряжения тагар-

ского времени встречаются и в более поздних «кладах», сформированных и сокрытых не ранее II в. до н. э. Из вещей VII–VI вв. до н. э. в основном представлены полифункциональные изделия — бронзовые крупные соединительные кольца, а также кольцевидные и полукруглые пронизки. Оба вида пронизок в одинаковой степени широко использовались в сбруйной и поясной фурнитуре с той лишь разницей, что кольцевидные появляются раньше и, по всей видимости, происходят от аналогичных украшений эпохи поздней бронзы. Крупные кольца были распространены в меньшей степени — в основном на территории от Северного Китая до Минусинской котловины. Если исходить из мнения об утилитарном назначении указанных «кладов», то можно было бы ожидать в них присутствие значительного числа достаточно металлоёмких удил и псалиев. Но это не так, а имеющиеся в «кладах» кольца и пронизки, вероятно, происходили из поясных наборов. Таким образом, по имеющимся материалам, предположения о существовании в раннескифское время прикладов или поминальников с конским снаряжением пока не получили подтверждения. Не исключено, что часть известных в коллекциях многочисленных бронзовых удил и псалиев была связана с поселенческими и производственными комплексами, однако без их исследования решить этот вопрос невозможно.

Благодарность

Авторы выражают признательность А. П. Бородовскому за ценные консультации по деталям конского снаряжения из «кладов» на Среднем Енисее.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Акишев К. А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М. : Искусство, 1978. 132 с.
- Боковенко Н. А. Начальный этап культуры ранних кочевников Саяно-Алтая (по материалам конского снаряжения) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986. 26 с.
- Бородовский А. П., Ларичев В. Е. Июсский клад (каталог коллекции). Новосибирск : Институт археологии и этнографии СО РАН, 2013. 120 с.
- Бородовский А. П., Оборин Ю. В. Клады и тайники бронзовых предметов с железными инструментами гунно-сарматского времени со Среднего Енисея // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 7: Археология и этнография. С. 86–98.
- Бородовский А. П., Оборин Ю. В. Предметы конского снаряжения и коневодства в кладах эпохи металла на среднем Енисее // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Институт археологии и этнографии СО РАН, 2020. Т. XXVI. С. 364–371.
- Герман П. В., Онищенко С. С., Савельева А. С., Святко С. В. Ключевые аспекты экономики населения тагарской культуры: основные концепции и проблемы изучения скотоводства // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 457. С. 110–122.
- Киселёв С. В. Древняя история Южной Сибири. М. : Изд-во АН СССР, 1951. 642 с.
- Кунгурова Н. Ю., Оборин Ю. В. Клад, обнаруженный на р. Уйбат (Минусинская котловина) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 54 (2). С. 126–136.

Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск : Наука СО, 1979. 208 с.

Прокопенко Ю. А. Коллекция предметов тагарской культуры в Ставропольском государственном музее-заповеднике (собрание Г. Н. Прозрителева) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. № 1 (48). С. 81–90.

Савинов Д. Г. Проблема хронологии и периодизации тагарской культуры в историческом контексте // Terra Scythica: материалы международного симпозиума. Новосибирск : Институт археологии и этнографии СО РАН, 2011. С. 208–217.

Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племён тагарской культуры. М. : Наука, 1967. 300 с.

Членова Н. Л. Тагарская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1992. С. 206–224.

Шмидт О. Г. Исследование древностей Минусинской котловины в работах С. И. Руденко // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4–2 (60). С. 240–245.

Шульга П. И. Конское снаряжение ранних кочевников Минусинской котловины (по материалам Минусинского музея им. Н. М. Мартянова). Новосибирск : РИЦ НГУ, 2013. 149 с.

REFERENCES

Akischev K. A. *Kurgan Issyk. Iskusstvo sakov Kazakhstana* [Issyk mound. The Art of the Saka in Kazakhstan]. Iskusstvo Publ., 1978, 132 s. (in Russian).

Bokovenko N. A. *Nachal'nyi etap kul'tury rannikh kochevnikov Saiano-Altai (po materialam konskogo snariazheniia)*. Avtoref. dis. kand. ist. nauk. [The Initial Stage of the Culture of the Early Nomads of the Sayano-Altai (based on the materials of horse equipment). Candidate of historical sciences Thesis in History and Archeology] 1986, 26 s. (in Russian).

Borodovskii A. P., Larichev V. E. *Iiusskii klad (katalog kollektzii)* [The Iyus Buried Treasure (collection catalogue)]. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii SO RAN Publ., 2013, 120 s. (in Russian).

Borodovskii A. P., Oborin Iu. V. Klady i tainiki bronzovykh predmetov s zheleznyimi instrumentami gunno-sarmatskogo vremeni so Srednego Eniseia [Buried Treasures and Hiding Places of Bronze Items with Iron Tools of the Hun-Sarmatian Age from the Middle Yenisei]. *Vestnik NGU. Serii: Istorii, filologii*. 2018. T. 17, № 7: Arkheologiya i etnografiya [Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 7: Archaeology and Ethnography]. S. 86–98 (in Russian).

Borodovskii A. P., Oborin Iu. V. Predmety konskogo snariazheniia i konevodstva v kladakh epokhi metalla na srednem Enisee [Items of Harness and Horse care in the Hoards of the Paleometal Age in the Middle Yenisei Region]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i soprodel'nykh territorii* [Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii SO RAN Publ., 2020, vol. XXVI. S. 364–371 (in Russian).

German P. V., Onishchenko S. S., Saveleva A. S., Sviatko S. V. Kliuchevye aspekty ekonomiki naseleniia tagarskoi kul'tury: osnovnye kontseptsii i problemy izucheniia skotovodstva [Key

Aspects of the Economy of the Tagar Culture Population: Main Concepts and Problems of Research into Animal Husbandry]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University journal]. 2020, no. 457. S. 110–122 (in Russian).

Kiselev S. V. *Drevniaia istoriia Iuzhnoi Sibiri* [Ancient History of Southern Siberia]. Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1951, 642 s. (in Russian).

Kungurova N. Iu., Oborin Iu. V. Klad, obnaryzhennyy na r. Uibat (Minusinskaya kotlovina) [A Hoard Found on the Uibat River, Minusinsk Basin]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia]. 2013, no. 54 (2). S. 126–136 (in Russian).

Martynov A. I. *Lesostepnaya tagarskaya kul'tura* [Forest-Steppe Tagar Culture]. Novosibirsk: Nauka SO Publ., 1979. 208 s. (in Russian).

Prokopenko Iu. A. Kolleksiya predmetov tagarskoi kul'tury v Stavropol'skom gosudarstvennom muzee-zapovednike (sobranie G. N. Prozriteleva) [Tagar Artifacts at the Stavropol State Museum Reserve (G. N. Prozritelev's Collection)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia]. 2020, no. 1 (48). S. 81–90 (in Russian).

Savinov D. G. Problema khronologii i periodizatsii tagarskoi kul'tury v istoricheskom kontekste [The Problem of Chronology and Periodization of Tagar Culture in the Historical Context]. *Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma "Terra Scythica"* [Materials of the International Symposium "Terra Scythica"]. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii SO RAN Publ., 2011. S. 208–217 (in Russian).

Chlenova N. L. *Proiskhozhdenie i ranniaia istoriia plemen tagarskoi kul'tury* [The Origin and Early History of the Tagar Culture Tribes]. Nauka Publ., 1967, 300 s. (in Russian).

Chlenova N. L. *Tagarskaya kul'tura* [Tagar Culture]. *Stepnaya polosa Aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* [Steppe Zone of the Asian Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Time]. Nauka Publ., 1992. S. 206–224 (in Russian).

Shmidt O. G. *Issledovanie drevnostei Minusinskoi kotloviny v rabotakh S. I. Rudenko* [The Researching of Antiquities of Minusinsk Hollow in works of S. I. Rudenko]. *Izvestiya AGU* [Izvestiya of Altai State University]. 2008, no. 4–2 (60). S. 240–245 (in Russian).

Shul'ga P. I. *Konskoe snariazhenie rannikh kochevnikov Minusinskoi kotloviny* (po materialam Minusinskogo muzeia im. N. M. Mart'ianova) [Horse Equipment of Early Nomads from Minusinsk Basin (based on the materials of the Minusinsk Museum named after N. M. Martyanov)]. Novosibirsk: RITs NGU Publ., 2013. 149 s. (in Russian)

Статья поступила в редакцию 05.06.2021

Принята к публикации 17.07.2021

Дата публикации 30.11.2021